

ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ

Безопасное детство в опасном взрослом мире

Виктор Иванович Слободчиков,
член-корреспондент РАО,
доктор психологических наук

Предлагаем вашему вниманию выступление В.И. Слободчикова на конференции «Безопасность детства в современном мире: методология, практика, перспективы».

● безопасность ● детство ● социальное сиротство ● со-бытие ● значимый взрослый

Прежде чем начать выступление, сделаю несколько разъяснений по его ключевым понятиям.

Первое. *Безопасность* (как и опасность) — это не точечное понятие, а объёмное или размытое. По аналогии с понятием *здоровье* — в разных культурах, в разных ценностно-смысловых духовных пространствах оно имеет разные интерпретации.

Второе. *Детство*, как антропо-культурологическое понятие, обретает свой смысл только в его соотношении со взрослостью — понятием, также имеющим антропологический и культурологический статус. Отсюда и осмысление темы моего выступления: *безопасное детство* — либо в безопасном, либо в опасном взрослом мире.

Третье. *Взрослый* — не физиологическая и не паспортная характеристика человека; это — его *ответственность* за окружающих, в первую очередь — за детей.

Четвёртое. *Дети в современном мире* — они слабые или сильные? С христианской точки зрения, дети — самые сильные Божьи создания! Это ведь взрослым сказал Господь — будьте как дети: «Ибо таковых есть Царство Небесное» (Мф. 19;14). В безбожном мире дети — самые слабые существа; мы, взрослые, вынуждены заботиться об их безопасности. Отсюда и актуальность темы нашей конференции: «Безопасность детства в современном мире», теряющем, а точнее — отказывающемся от Божьего благословения.

ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ

На мой взгляд, самая очевидная слабость, самая массовая опасность для детей и детства сегодня — это *сиротство*. Замечу, не просто *физическая катастрофичность*, которая не различает детей и взрослых, оставляя их в гибельной ситуации разобщённости, а именно их *взаимное сиротство*, сиротство каждого в мире — без Бога. Это — тотальный разрыв и взаимное отчуждение в обыденных обстоятельствах жизни. Такое сиротство — космическое одиночество, это когда с тебя сняли скафандр и предложили дышать полной грудью. Не случайно появилась поговорка: *страшнее нет одиночества, чем одиночество в толпе*.

Сегодня стала обыденной лукавая формула — *социальное сиротство* детей. Почему лукавая? Изначально феномен сиротства был обозначением потери кровных близких родственников. Я ещё застал то время, когда в моём детском доме были дети-сироты, потерявшие близких на войне. И это, как ни парадоксально, было нормально. Да, ты остался в этом мире без родных, но ты — *не остался один*. Вот рядом с тобой сверстники, вот — добродетельные, заботливые взрослые; ты — сирота, но ты не потерялся, поскольку находишься во взаимных отношениях с окружающими. В моё время не было словосочетания *социальные сироты*.

Когда же оно появилось? Тогда, когда *появились брошенные дети при живых родителях*. И что интересно: про родителей, вообще про взрослых, в этих случаях практически не говорили. Речь шла только о детях, которые остались *без попечения взрослых*. Так сложились непреодолимые социальные обстоятельства — и *никто вроде бы ни в чём не виноват*. Отсюда — и социальное сиротство. Поэтому и проблему эту будем решать *социальными средствами, создавая* патронатные, приёмные семьи и т.п.

Опять вернусь к своему прошлому: когда у нас в детском доме появились воспитанники, у которых были живые родители, то никакие социальные (т.е. внешние, формальные, административные и т.п.) условия обустройства их жизни *не имели никакого воспитательного значения*. Ребёнок всегда говорил: «У меня есть родители, я их люблю, я вырасту — и встречу с ними». Хотя всем было известно (и ему самому!), что мать лишена родительских прав, отец — в тюрьме, а бабушка при смерти. Социальная ситуация понятна, но по-человечески, для самого ребёнка, это не имело никакого значения.

Таким образом, понятие *социальное сиротство* означает *полную безответственность* взрослого мира перед детьми, оказавшимися в трудных жизненных обстоятельствах. Конечно, проще и легче поменять — *не понять*, а именно поменять — эти трудные обстоятельства на другие, более лёгкие — для нас взрослых. Например, значительно проще и дешевле забрать детей из малообеспеченных семей, нежели помочь этим семьям — и не превратить этих детей в социальных сирот.

Зачем далеко ходить за примерами! В настоящее время Государственная дума РФ рассматривает законопроект «О социальном обслуживании населения в Российской Федерации», который устанавливает чиновничий контроль над каждой семьёй — социальный патронат (в законопроекте он именуется «социальным сопровождением»). Узаконивается система

В.И. Слободчиков. Безопасное детство в опасном взрослом мире

вмешательства государства в частную жизнь семей, то есть возможность отбирать детей по усмотрению чиновников — лишь на основании бедности семьи и плохих бытовых условий. Законопроект позволяет прийти в любую семью без какого-либо повода или сигнала, проводить там проверки, в то время, когда родители ещё ничего не совершили. Принятие законопроекта в таком виде означает введение в России ювенальной системы западного образца, против которой давно уже выступает и родительская, и педагогическая общественность.

Почему я в такой ситуации ставлю столь серьёзно вопрос о безответственности или ответственности взрослого мира? Потому что в этом слове главный корень — *ответ*, который возможен только тогда, когда для нас существует *Вопрошающий*. В мире есть две инстанции, перед которыми мы держим ответ: перед Богом и перед людьми, перед *Высшим и ближним*. В безбожном мире нет ни того, ни другого, отсюда — безответственность. Это — первый акцент в нашей проблеме: «опасность детству — это безответственность взрослого мира».

Чтобы обеспечить ребёнку здоровую и духовно полноценную жизнь, необходим взрослый человек. Поэтому что взрослые без детей — существа бессмысленные, а дети без взрослых не могут существовать по определению.

Сюда же, помимо лукавой формулы *социальное сиротство*, я бы добавил ещё столь же любимое педагогическому сознанию понятие *социализация* — едва ли не главное предназначение педагогической деятельности: детей надо социализировать. У меня дома без всяких моих педагогических хлопот собаки и кошки спокойно социализируются: по нужде ходят в нужное место, команды мои понимают и слушаются. Получается, что и для своих детей (родных, приёмных, воспитанников) мы хотим примерно того же: чтобы правильно ходили по нужде, понимали команды и слушались; тогда про них можно сказать, что они хорошо воспитаны. Я сейчас специально огрубляю смысл педагогической работы, чтобы ввести ещё одно представление, связанное с безопасностью детства: понятие *педагогическое сиротство* наших детей. Такое сиротство возникает уже не только в связи с безответственностью взрослого мира, *а по прямой вине конкретных взрослых*. И не только родственников, а всяких взрослых. И это — второй акцент: «опасность детству — это педагогическая запущенность детей». В советские времена такое положение детей являлось, по сути, юридическим понятием — и предполагало, по крайней мере, административные последствия для взрослых.

Чтобы обеспечить ребёнку здоровую и духовно полноценную жизнь, необходим взрослый человек. Потому что взрослые без детей — существа бессмысленные, а дети без взрослых не могут существовать по определению.

Детству присуще стремление к обретению полноты бытия. Старшие создают особую дружественную среду, в которой младшим легче осваивать и познавать глубины собственного внутреннего мира. Иными словами, именно взрослые (в норме!) обеспечивают ребёнку *презумпцию человечности* — право и возможность стоять на человеческом пути развития;

ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ

по мере *безопасного* взросления становится действительным Другом другому человеку — и автором собственной жизни.

Однако в связности ребёнка со взрослым (не только с родителем) одновременно таятся и целительные силы, и болезненная опасность. Какие же психологические факторы определяют влияние взрослого на душевное и духовное здоровье ребёнка?

В течение длительного периода дошкольного и школьного детства подлинным субъектом развития и образования является *со-бытийная общность* ребёнка и *значимого* взрослого. Педагогам и психологам хорошо известно расплывчатое словосочетание: «значимый взрослый». Фактически это всякий взрослый человек, оказывающий существенное влияние на развитие и образ жизни ребёнка: родитель, опекун, учитель, наставник, даже сосед. В основу классификации понятия «значимый взрослый» нужно положить две существенные характеристики, которые наиболее полно раскрывают его статус в жизненном мире конкретного ребёнка. Это показатели кровного родства: «родной — чужой» и показатели духовной близости: «близкий — чуждый».

Критерием первой характеристики можно считать принадлежность к единой родовой ветви. Для ребёнка это материнская и отцовская родовые ветви. Основа и главный критерий подлинной близости двух людей — устойчивая *духовная связь*. Мера кровного родства ребёнка и взрослого изначально задана. Поэтому отношения в детско-взрослой общности эволюционируют по линии духовной близости. Можно выделить две наиболее общие тенденции: атрибутом первой являются взаимное понимание, принятие, доверие; вторая переживается как стойкое взаимное несогласие, разобщение и отчуждение.

Классификация значимых взрослых

Духовная связанность	Кровное родство	
	Родной	Чужой
Близкий	родной и близкий	чужой, но близкий
Чуждый	родной, но чуждый	и чужой, и чуждый

Именно духовная близость ребёнка и взрослого гармонизирует личность ребёнка, обеспечивает нормальное развитие его самостоятельности; отчуждение искажает и блокирует её. Если упростить интерпретацию таблицы, можно достаточно уверенно утверждать, что первый её квадрант (родной и близкий) — это пример нормальной, т.е. с психолого-педагогической точки зрения вполне благополучной полной семьи. Второй квадрант (чужой, но близкий) — пример также вполне благополучной приёмной семьи, хорошего детского дома, хороших детского сада и школы. Третий квадрант (родной, но чуждый) — это те самые «семьи-поставщики» социальных сирот, источники детской беспризорности. И, наконец, четвёртый квадрант (чужой и чуждый) — это, по сути, криминальные дет-

В.И. Слободчиков. Безопасное детство в опасном взрослом мире

ско-взрослые объединения. В последнем случае бывает, на первый взгляд, более мягкий вариант — чужой и отчуждённый; но это — не менее болезненная ситуация. Здесь мы сталкиваемся с так называемыми «казёнными домами», или с мачехами и отчимами — когда во взаимных отношениях нет ничего личного, а только чужое, отчуждённо-чуждое.

Хотел бы особо отметить, что в приёмных, патронатных, гостевых семьях часто кроется опасность деструктивных взаимоотношений взрослых и детей. Нередко взрослые в таких семьях начинают бездумно имитировать поведение кровных родителей. Фальшь подобных имитаций ребёнок обнаруживает практически мгновенно, и приёмный родитель становится не только чужим, но и не близким, а зачастую — чуждым. А неуклюжие взрослые, оказываясь не способными ни к любви, ни к духовно-душевной близости с приёмным ребёнком, делают его виновным в этой своей неспособности.

Специфика духовной близости ребёнка и взрослого (в отличие от витальной, эмоциональной, социальной связанности) состоит в очеловечивании (одухотворении) взрослым жизненного мира ребёнка. Максимум такого отношения есть любовь взрослого к человеческому в человеке — непосредственно в этом конкретном ребёнке; любовь как устремление взрослого навстречу становящемуся индивидуальному духу ребёнка. *Такое отношение, по сути, благогатоно.* Такая любовь осуществляется через *со-бытие* в духовно-душевной практике воспитания ребёнка.

Хорошо бы помнить, что понятие «воспитание» содержит, по крайней мере, два смысла: 1) *вос-полнение* человека до целого (как говорил в своё время герой А. Платонова, «без меня народ не полный»). Ребёнок без взрослого и взрослый без ребёнка не полны, частичны; 2) *на-питание*; именно здесь возникает духовный вопрос: отдаём ли мы себе отчёт, какой пищей напитываем своих детей, каким образом их питаем.

Я попытался коротко раскрыть внутренний смысл безопасной, благотворной, со-бытийной встречи взрослых и детей в совместной жизни и деятельности. Для меня со-бытийная общность — это принцип преодоления ложной альтернативы. Ложная альтернатива: либо — сиротский индивидуализм, либо — принудительный коллективизм. В своё время у товарища Сталина спросили, какой уклон хуже в политике, левый или правый. Он сказал: «Оба хуже». Так вот эта альтернатива, этот выбор — это «Оба хуже». Нужен царский путь, нужен третий путь, когда достоинства, великие достоинства и одного и другого должны встретиться, должны быть совмещены в едином пространстве, и не разрушать друг друга. И тогда не надо будет выбирать.

Но сегодня безопасность для детей и детства продолжает уменьшаться именно потому, что мы всё более ускоряем процесс замещения подлинного — *человеческого* — смысла нашего совместного бытия с детьми «равноправными» — партнёрскими, договорными, по сути, отчуждёнными — отношениями. Отказываясь от статуса и миссии собственной взрослости как гаранта становления человеческого в наших детях, мы рискуем в ближайшее время породить два мира — мир Детства и мир Взрослости: взаимно разобщённые, отчуждённые, а в перспективе — враждебные друг другу. Оба мира — вне человеческого, вне человечности.